

Вторая половина нашего столетия открыла необходимость отношений личности и всей целокупности мира как отношений двух самостоятельных частностей, игнорируя трагичность их временной и пространственной несоразмерности.

Эта новая безнадежность (по-новому языческая) стремительно опустошает сознание и ставит Искусство Слова перед дилеммой: либо отказаться от христианских ценностей, что превратит вопросы Жизни и Смерти в вопросы технологические, либо так изменить речь, чтобы христианское отношение к миру сделалось ее внутренней структурой и вернуло Человеку основание «заглядывать за горизонт».

Иосиф Бродский — единственный из великих русских поэтов XX века, в чьем творчестве отчаяние существования преодолевается самой структурой поэтической речи. В зрелых вещах он дарит нам текст как пространство высказываний, принадлежащее не только Искусству, но и формирующее совершенно новое сознание, для которого «пушкинский язык» становится классическим (в ньютоновском смысле) случаем выражения.

Иначе говоря, стремящиеся в его текст слова участвуют в событии, важность которого безошибочно угадывается читателем вне зависимости от характера этого события и отношения к нему автора. Кажется, именно поэтому у Бродского интересно решительно все — вплоть до шуточных почеркушек.

Первую серьезную попытку собрать все написанное к тому времени И. Бродским предпринял в начале 70-х В. Марамзин. Исключительно неблагоприятные обстоятельства не помешали ему с академической дотошностью проделать огромную работу по розысканию, датировке и комментированию текстов и вариантов. Все найденное предьявлялось автору, проходило авторскую правку и отбор.

К сожалению, вследствие эмиграции — сначала Бродского, а затем и Марамзина — работа эта завершена не была, но и в незавершенном виде она принадлежит не только истории литературы, но вызывает живую читательскую благодарность. При известном безразличии Бродского к судьбе своих текстов, нынешнее собрание в отсутствие «марамзинского» вряд ли было бы сейчас возможно.

В предлагаемом нами собрании порядок публикуемых текстов

таков: сперва идут во временном порядке те, что датированы точно, за ними по алфавиту — тексты в каждом указанном промежутке.

Крупные вещи, работавшиеся не один год, помещены под годом завершения.

В случаях, когда вместе с датой автор указывал место написания текста, мы это воспроизводим. Предположительные датировки сопровождаются знаком вопроса.

Обращаем внимание на необычность пунктуации в ранних вещах: она больше связана с характером дыхания поэтической ткани, чем со школьным синтаксисом. Мы сохранили везде, где возможно, авторские знаки и некоторые особенности орфографии.